

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск (2) 30.
Шманько А. Іменні форми активних дієприкметників у предикативній структурі тексту Постниковського літописця; 13 с.; кількість бібліографічних джерел – 13; мова – російська.

Анотація. У статті “Іменні форми активних дієприкметників у предикативній структурі тексту Постниковського літописця” розглядаються особливості структури та функціонування коротких форм активних дієприкметників з точки зору їх співвідношення з нормами церковнослов’янської книжної традиції.

Ключові слова: коротка форма активних дієприкметників, апозитивні дієприкметники, дієприслівник, староруська мова, церковнослов’янська книжна норма.

Настоящая статья продолжает описание результатов проведённого нами комплексного исследования предикативной структуры текста Постниковского летописца (далее ПЛ) – памятника XVI в. [9, с. 8-30]. Она связана с нашим диссертационным исследованием предикативной структуры текстов старорусских летописей конца XVI – начала XVII вв. Нами уже изучены и описаны формы глаголов прошедших времён, представленные в тексте ПЛ (см. [13]), завершён анализ структурно-семантических особенностей всех глагольных форм, зафиксированных в данном памятнике (материал готовится к печати). Поскольку «летописи написаны на гибридном церковнославянском языке, в котором употребляются как книжные, так и некнижные элементы» [4, с. 54], обращение к материалу древнерусских летописей важно для решения проблемы соотношения этих элементов в процессе становления литературного языка на национальной основе. Цель данной статьи – показать своеобразие именных форм действительных причастий как компонентов предикативной структуры текста ПЛ. Такое направление исследования древнерусских памятников нам представляется актуальным, поскольку комбинации различных компонентов предикативной структуры конкретного текста являются надёжным материалом для выявления механизма разрушения старых традиций и формирования новых.

Известно, что основными выразителями предикативности в предложении являются формы наклонений глагола, однако предикативная функция, хотя и в меньшей степени, свойственна также именным формам, в частности действительным и стра-

дательным причастиям. В предикативной структуре текста ПЛ формы наклонений глаголов составляют 87% (1439 примеров), а причастий – 13% (223 примера), причём доля действительных причастий равна 9% (147 примеров), а страдательных – 4% (76 примеров). Но именно причастия, которые, по справедливому замечанию Б.А. Успенского, являются “наиболее книжной категорией” [12, с. 212], дают самые интересные комбинации ‘старого’ и ‘нового’ в предикативной структуре древнерусских текстов. С этой точки зрения наибольший интерес представляют именные формы действительных причастий. Употребляясь преимущественно в предикативной функции (для местоименных форм главной была атрибутивная функция), именные формы типа *слыша, выехав, будучи* утрачивали способность к согласованию с подлежащим в роде и числе, в результате чего формировалась новая грамматическая категория – деепричастия.

1.1. Со сферой предикации в тексте ПЛ связаны именные причастия прежде всего мужского рода. Форм среднего рода нами не зафиксировано, а женский род представлен всего 3 примерами. По формальным признакам именные причастия делятся на маркированные (с суффиксами *-ущ/-ащ-* и *-уч/-ач-*), и немаркированные (с другими суффиксами). Мы используем также признак «согласованные / несогласованные» словоформы, имея в виду согласование в числе. Данный признак, несмотря на его известную условность для текста XVI века, тем не менее, оказывается значимым как средство разграничения ‘старого’ и ‘нового’ в функционировании анализируемых словоформ.

Таблица 1. Количественное соотношение типов именных действительных причастий

Формы:		Согласованные		Всего:	Несогласованные		Всего:	Общий итог:
Суффиксы	Флексии	ед. число	мн. число		ед. число	мн. число		
1. Причастия с немаркированными суффиксами								
-а/-я	∅	21	—	21	—	5	5	26
-в-		39	—	39	—	13	13	52
-вш-	-е	—	2	2	—	—	—	2
-ш-	-е	—	2	2	—	—	—	2
	-и	—	—	—	—	1	1	1
∅	∅	16	—	16	—	3	3	19
Всего:		76	4	80	—	22	22	102
2. Причастия с маркированными суффиксами								
-ущ-/ -ащ-	-е	—	19	19	10	—	10	29
	-и	—	—	—	5	1	6	6
	-а	—	—	—	—	2	2	2
-уч-/ -ач-	-и	—	—	—	5	3	8	8
Всего:		—	19	19	20	6	26	45
Общий итог:		76	23	99	20	28	48	147

В таблице 1 представлены результаты количественного анализа именных действительных причастий в предикативной функции с учётом суффиксов, которые разделены на маркированные и немаркированные, окончаний и признака «согласованность / несогласованность». Как показывает материал таблицы, в ПЛ преобладают формы с немаркированными суффиксами – всего 102 единицы, или 69% от общего количества анализируемых словоформ. Остальные 45 словоформ (31%) – это причастия со старославянским по происхождению суффиксом *-уц/-ац-* (37 единиц) и с суффиксом *-уч/-ац-*, маркированным как разговорный (8 примеров).

1.2. Среди немаркированных форм согласованные причастия, т.е. сочетающиеся с формами ед. или мн. числа подлежащих и /или сказуемых, составляют 78% (80 словоформ). Это прежде всего формы прошедшего времени с суффиксом *-в* и нулевым окончанием (первоначально суффикс *-въ* имел окончание *-ъ*, утратившееся после падения редуцированных [3, с. 70]). Например: *А наводил их король Жидимонт* (ед. ч.), *преступив* (ед. ч.) *крестное целование* [9, с. 11][□]; *И князь* (ед. ч.) *велики взяв* (ед. ч.) *с цесарем братство и любовь и докончания и, почтив* (ед. ч.), *отпусти его марта в 7 день* [11] и др. В этой подгруппе согласованные словоформы составляют 75% (39 примеров). Несогласованных причастий зафиксировано 13: ... *казанцы* (мн. ч.) <...> *великого князя послов и гостей, переграбив* (ед. ч.), *у себя задръжали* (мн. ч.) [13]; *Людие* (мн. ч.) *же поразсудив* (ед. ч.) *и глаголаху* (мн. ч.) *в себе, яко быти в царстве применению некоему* [17].

В ряде случаев несогласованные причастия употребляются в неопределённо-личных предложениях: *И поновив* (ед. ч.) *святыя иконы, от многих лет сустаревшихся, и украсив* (ед. ч.) *их серебром и золотом, отпустишиа* (мн. ч.) *их в Володимер и проводиишиа* (мн. ч.) *их в 28 году* [13]. В подобных примерах отчётливее проявляется переход причастий в деепричастия.

В подгруппе причастий с формантом *-в* имеются производные от возвратных глаголов, утратившиеся только к XIX веку: *И не унявся хотя тешишися* [18]; *И вы, брате, постоите крепко, чтобы мой сын учинився на государстве государем* [21]; *И потом, пробудився, начат говорити* [21]; *И возбудився, аки от сна, и приим образ Екатерины великомученицы, и любезно приложился к ней*... [22-23]; *И стояли под городом пять недель, подкопывалися под стену под городовую. Да, подкопався, город сожгли*... [25].

Характерно, что большинство причастий с суффиксом *-в* мотивируются глаголами совершенного вида – 50 примеров из 54, т.е. в ПЛ отчётливо прослеживается тенденция к соотносительности вида и времени в словоформах причастий. В ряде случаев наблюдается использование причастий настоящего и прошедшего времени в одном контексте: *И ту [митрополит] молебны нев* (прош. вр., НСВ) *и обедню совершив* (прош. вр., СВ), *пойдошиа во град, благодаряще* (наст. вр., НСВ) *бога и пре-*

чистую его мать [13]. В приведённом примере одно причастие прошедшего времени образовано от глагола НСВ – *нев*. Причастия настоящего и прошедшего времени в данном предложении выражают разные временные значения: действие причастия настоящего времени происходит одновременно с действием глагола-сказуемого (*пойдошиа – благодаряще*), причастия прошедшего времени обозначают действия, предшествующие действию глагола-сказуемого (*нев – совершив – пойдошиа*), т.е. категория вида ещё не является определяющей для временных значений причастий.

1.3. Древнерусское причастие с суффиксом *-а/-я-* также имело нулевое окончание (∅), отсутствие которого как раз и указывало на грамматическое значение И. п. ед. числа муж. рода. В тексте ПЛ зафиксировано 26 причастий с суффиксом *-а/-я-*, из которых 21 согласуется с формами ед. ч. подлежащих и /или сказуемых, при этом 16 словоформ мотивируются глаголами НСВ (*наводя, видя, хотя, не дожидаяся*), а 10 – совершенного вида (*поговоря, приговоря, оставя, исправя*). Ср.: ...*прииде посол* (ед. ч.) *от цесаря <...> моля* (ед. ч.) *и прося* (ед. ч.), *чтоб его для князь велики изволи приехати*... [12]; *И князь* (ед. ч.) *велики, приговоря* (ед. ч.) *з братьею и з бояры, проступку его ему отдал*... [9]; *Князь* (ед. ч.) *великий перед бояры рече митрополиту: “...всех русских чудотворцев молитвами и милостью, положиа* (ед. ч.) *на них упование, а у тебя у отца своего благословяся* (ед. ч.), *помыслил есми женитися”* [28]; *И казанцы* (мн. ч.) *не мога* (ед. ч.) *терпети тоя нужи и добишиа челом воеводам государьским*... [15]; *А против того великого князя послы* (мн. ч.) <...> *пошли на Литовскую землю с троючина дни и того же лета и пришли* (мн. ч.) *назад поздорову, исправя* (ед. ч.) *посольство* [27]. В приведённых примерах причастия мотивируются глаголами как НСВ, так и СВ, но наличие /отсутствие согласования от видовой принадлежности мотивирующих глаголов не зависит: в 2-х последних предложениях несогласованные причастия (*не мога, исправя*) мотивируются глаголами разных видов. Аналогично и согласованные причастия мотивируются глаголами разных видов: *моля и прося* – НСВ, *приговоря, положиа, благословяся* – СВ.

Характерно, что однотипные словоформы в близких контекстах могут соотноситься и с единственным, и со множественным числом. Ср.: *А митрополит Макарей, а с ним протопол и ключари* (мн. ч.) <...> *не мога* (ед. ч.) *огненнаго зноя терпети* и *дымной вони, да перешили* (мн. ч.) <...> *в тайник* [30]; *А ис тайника в полночь митрополит* (ед. ч.) *спустися* (ед. ч.) *на взруб по ужшишу, не измога* (ед. ч.) *огненнаго зженья терпети* и *дымной вони, да переехал* (ед. ч.) *за реку в великого князя сад* [30].

1.4. Причастий, равных чистой основе, типа *шедъ, вземъ, приим, снемъ* в тексте ПЛ зафиксировано 19. Большинство из них (16 примеров) соотносится с формами ед. ч. подлежащих и /или сказуемых и входят в группу согласованных словоформ: *И тогда же князь* (ед. ч.) *великий тайно*

взем (ед. ч.) *святыя дары и маслом свящася* [20]; *Он* (ед. ч.) *же вста сам на ноги своя и приим* (ед. ч.) *честные дары честно и прослезися* <...> [20]; *Мисайло* (ед. ч.) *же пришед* (ед. ч.) *к нему и повеле ему принести платье черное* [22].

В 3-х случаях причастия с нулевым суффиксом сочетаются с формами мн. числа: *Они* (мн. ч.) *же шед* (ед. ч.) *в Казань, царя и всю землю на записех к шерти приведошя* (мн. ч.) [12]; *Стряпчия же и дети боярския* (мн. ч.) <...> *вышед* (ед. ч.) *вон, горко плакаху* (мн. ч.) *и рыдаху* (мн. ч.) [12].

1.5. Единичными примерами представлены причастия с суффиксами **-вш-** и **-ш-**: *И согласившеся* (мн. ч.) *межу собою во Асторокани ногаи* (мн. ч.), *абие нападают* на мучителя и убишия царя проклятого и сына его и прочих с ними крымских врагов... [14]; *Лета 7028 князь велики Василей Иванович со отцем своим Варламом* (мн. ч.) *отпустишия и проводишия* (мн. ч.) *святыя иконы, что принесены бышия от Володимера на Москву на обновление и украшение, яже многими леты обещавшия; и обновивше* (мн. ч.) *их, украсишия* (мн. ч.) *лепо серебром и золотом* [13]; *А после того в 9 день в среду... на преподобнаго отца нашего Федора Трихина, рекше Власенаго, на 11 часу дни загоряся за Язую у Семииона святого* [29]; *А бояре* (мн. ч.) *великого князя, приведши* к шерти всею землю Казанскую, *пошли* ис Казани июля в 1 день, на Кузьма-Демьянов день... [27]. Словоформа *рекше* является вводным словом, т.е. она не связана с другими членами предложения, а *приведши* – новая форма, которую, на наш взгляд, можно квалифицировать как деепричастие.

Таким образом, 22 (22%) именных действительных причастия с немаркированными суффиксами мы квалифицируем как несогласованные. Несмотря на то что подобные случаи в количественном отношении далеко уступают примерам, сохраняющим согласование причастной формы с именем существительным, такое согласование, по мнению А.Г. Руднева, в большинстве случаев является ‘кажущимся’: ‘...не было периода в истории русской письменности, когда бы не было фактов если не согласования, то совпадения кратких форм действительного причастия с подлежащим в роде, падеже и, реже, числе’ [11, с. 43]. Употребление несогласованных форм в ряде случаев можно объяснить отсутствием четкого разграничения форм ед. и мн. числа, наблюдающегося в древнерусском языке. Ср.: *Князь же велики и митрополит благодарная хваления воздашия Христу богу и пречистой его матери. И поновив* (ед. ч.) *святыя иконы, от многих лет сустаревшихся, и украсив* (ед. ч.) *их серебром и золотом, отпустишия* (мн. ч.) *их в Володимир и проводишия* (мн. ч.) *их в 28 году* [13]; *...князь велики Иван и с сыном своим великим князем Васильем выехав* (ед. ч.) *с Москвы да был* (ед. ч.) *у Троицы в Сергиеве монастыре...* [8]. В 1-м предложении подлежащее *князь и митрополит* функционирует как форма мн. числа, чему в известной степени способствует соединительный союз **и**. Во 2-м предложении главным компонентом подлежащего

является существительное *Иван*, а предложно-падежная форма *с сыном* может рассматриваться как дополнение, хотя имеются примеры, где подобные конструкции сочетаются со сказуемым во мн. числе. Ср.: *Лета 7013 князь велики Иван со отцем своим Симоном митрополитом и съ епископы обыскашия еретиков* <...> *и сожгошия их декабря в 27 день* [8]. В древнерусском синтаксисе подобные случаи обычно характерны для предикативных и детерминирующих членов предложения [5, с. 324].

2.1. Среди словоформ с маркированными суффиксами преобладают действительные причастия с формантом **-ущ/-ащ-**, составляющие 82% (37 примеров). Согласованными являются формы с окончанием **-е** (всего 19), которое и характеризует И. п. мн. ч.: *Они* (мн. ч.) *же бышия блиско Вильны, пленююще* (мн. ч.) *и жгущие* (мн. ч.) *и секуще* (мн. ч.) [9]; *И едва очютися, тешаще* (мн. ч.) *же ю митрополит и братия великого князя и бояре* (мн. ч.), *и поидошия от нее вси* [24]; *...бояре все, и весь народ* (мн. ч.) *плачущеся* (мн. ч.) *и рыдающе* (мн. ч.) *горько* [24] и др.

В 10 случаях анализируемые причастия соотносятся с формами ед. числа, например: *И потом конец его приближашеся, не нача* (ед. ч.) *языком изглагольвати, но просяще* (мн. ч.) *пострижения и емлюще* (мн. ч.) *простыню, начат* (ед. ч.) *целовати ея. И подносяще* (мн. ч.) *ему боярин его Михайло Юрьев* (ед. ч.), *он* (ед. ч.) *же не престаше* (ед. ч.) *творяще* (мн. ч.) *на лица своем крестное знамение и зряще* (мн. ч.) *горе на правой, на образ пречистыя богородицы...* [23] и др. Характерно, что большинство причастий с суффиксом **-ущ/-ащ-**, в том числе и все несогласованные словоформы, зафиксированы в одном стилистически окрашенном контексте – при описании болезни и смерти великого князя Василия Ивановича. Это дает нам основание предполагать, что их использование в тексте имеет стилистическую мотивацию, которая в ряде случаев берет верх над грамматическими правилами [5, с. 322].

Только несогласованными формами представлены анализируемые причастия с флексией **-и** (всего 6), которая совпадает с флексией жен. рода. Ср.: *Бьющи* (ж. р., ед. ч.) *же ся великая княгини* (ж. р., ед. ч.) *и плачешя горько, слезы* (ж. р., мн. ч.) *же ея непрестанно текущи* (ж.р., ед. ч.) *от очию ея...* [22]. По мнению многих историков языка, распространение окончания **-и** вряд ли можно однозначно объяснить влиянием форм жен. рода ед. числа (*ставши, несущи, знаючи*), для которых в памятниках древнерусской письменности по сравнению с формами муж. рода характерна значительно меньшая частотность употребления. И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко экспансию формы на **-и** и её переход из системы изменяемых причастий в систему неизменяемых объясняют тем, что исторически эта форма связана не с ед. числом (жен. род), а со множественным (*текущи* как *плоди*). Её появление вызвано аналогией с формами других типов склонения [8, с. 317, 313]. В.В. Колесов, напротив, считает, что формы муж. рода типа *рекь, вземь*

сменились формами жен. рода *рекиши, взявши* [7, с. 593]. Проиллюстрируем употребление флексии **-и** в словоформах муж. рода примерами из анализируемого текста: *А раны у него не прибаваше, токмо дух* (ед. ч.) *от нея тяжек идущи же из нея, не жив – смертный* [21]; *И приде князь* (ед. ч.) *великий <...> в свое село в Ворбьево. И бысть* (ед. ч.) *в Ворбьеве два дни, от болезни зельныя стража* (ед. ч.) *и изнемогаючи* [21]; *Князь* (ед. ч.) *же великий вельми скорбяще* (мн. ч.) *и изнемогаючи, болезни своей не чюяше* (ед. ч.) [21]. Приведённые примеры интересны тем, что во 2-м предложении словоформа *изнемогаючи* дана рядом с причастием в форме ед. числа – *стража*, а в 3-м – рядом с причастием *скорбяще*, имеющим форму мн. числа. В следующем предложении словоформа на **-и** входит в состав усечённого (нет имени в дат. падеже) оборота дательный самостоятельный, в котором лексема в имен. падеже не употребляются: *И сидящим* (вм. *сидящем*) *за столом з братом своим со князем Андреем Ивановичем изнемогаючи, и оттоле стола у него не бысть, но вкушаючи мало на постеле* [18]. Словоформа *вкушаючи* является главным членом безличного предложения.

Таким образом, определение числа для словоформ с флексией **-и**, имеющих в нашем материале, вызывает определённые затруднения. Формального выражения категории рода здесь тоже нет. Следовательно, эти словоформы, на наш взгляд, уже можно квалифицировать как деепричастия.

2.2. Аналогичная картина наблюдается и в группе словоформ с восточнославянским по своему происхождению суффиксом **-уч/-ач-** (8 словоформ), которые маркируются как разговорные. Они тоже соотносятся с подлежащим и /или сказуемым как в форме ед. числа (11 примеров), так и множественного: *И тогда посла стряпчего своего <...> по духовные грамоты и по свою, которую писал* (ед. ч.), *едучи в Новгород и во Псков <...>* [18]; *...а манати не бысть, занеже бе* (ед. ч.) *спешачи, несучи выронили* (мн. ч.) [23]; *А в каптане у него были князь Дмитрий Иванович Шкурлятев да князь Дмитрий <...> того ради, что обращаху* (мн. ч.) *его, едучи* [19]. Анализируемые словоформы фиксируются в составе оборота дательный самостоятельный (*И еще же ему на путь едучи к Москве и призва к себе дворецкого <...>* [20]) и в безличных предложениях: *А из болячки мало гною изсякаючи верху же у нея нет...* [18]; *До села же того едучи, мало бысть потехи* [18]. В следующем примере со сказуемым в ед. числе соотносятся словоформы на **-ючи** и **-юще** (мн. ч.): *И начат* (ед. ч.) *говорити, из ыкосов словеса выбираючи, а иные словеса тихо в собе глаголати, и крестящися* (мн. ч.) *рече* (ед. ч.) [23]. Формы на **-и** также зафиксированы в стилистически окрашенном контексте. В нашем материале они соотносятся в основном с единственным числом.

В двух случаях в значении мн. числа употреблены маркированные формы с флексией **-а**: *А безбожнии татаровя* (мн. ч.) *приидошия* (мн. ч.) *<...>*

посады на Рязани пожгошия, и ко граду приступающа, но град не взяша [23]; *И понесошия его на крыльцо. А за ним грядуща с свещами и с кандилы, и поюще “Святый боже”* [24]. Возможно, флексия **-а** используется по аналогии с другими глагольными формами: *приидошия / пожгошия / приступающа / не взяша; понесошия / грядуща*.

Необходимо отметить довольно частое употребление в пределах одного синтаксического целого синонимичных разноаффиксных образований. Ср.: *Князь* (ед. ч.) *же великий вельми скорбяще* (мн. ч.) *и изнемогаючи, болезни же своей не чюяше* (ед. ч.) [21]; *И начат говорити* (ед. ч.), *из ыкосов словеса выбираючи, <...> и крестящися* (мн. ч.), *рече* (ед. ч.) [23] (окончания **-е /-и** в формах причастий при главных членах предложения в ед. числе) и др. Таким образом, смешение временных значений, случаи нарушения согласования, использование образований с суффиксом **-уч/-ач** только с флексией **-и**, стилистические факторы – все это черты явного разрушения церковнославянской нормы употребления причастий, обусловленного прежде всего формированием в народно-разговорном языке категории деепричастий.

3.1. При определении связи краткого действительного причастия со сферой предикации первостепенное значение имеет его синтаксическая функция. Как указывалось выше, для именных форм основной была функция второстепенного сказуемого, т.е. «обозначения дополнительного второстепенного действия, характеризующего и дополняющего по смыслу действие, выраженное главным сказуемым предложением» [6, с. 108]. В подавляющем большинстве случаев такие аппозитивные причастия [10, с. 185] в ПЛ выступают в функции второстепенного сказуемого, обозначая при этом действие, сопутствующее главному: *... прииде посол* (ед. ч.) *от цесаря <...> моля* (ед. ч.) *и прося* (ед. ч.), *чтоб его для князь велики изволи приехати...* [12]; *...И пришед Азторокань одолев и возгордеся зело* [14]; и др. Значение сопутствующего, второстепенного действия субъекта, по мнению Г.А. Хабургаева, способствовало отрыву причастия от субъекта и формированию у него обстоятельственного значения, превращающего причастие в глагольного распространителя. Со временем это привело к функциональной соотносительности причастия с деепричастием [1, с. 352].

3.2. В анализируемом тексте ещё сохраняются следы древнерусского состояния, когда причастия могли обозначать не только второстепенное, но и основное действие: *Бояре же и вси людие плачюще и моляще бога о государе* [19]; *Тогда же пришедшие* (мн. ч.) *братия его <...> бояре все, и весь народ* (мн. ч.) *плачущися и рыдающе горько* [24]; *Иван Ляцкой оставя на Москве матерь и жену и дочь девицею* [24]. В приведённых предложениях глагольных сказуемых нет. Значение основного действия отчётливо проступает при наличии союзной связи между причастием и глагольным сказуемым: *И пошльшиев то окаянный цар Магмед-Кирей и вскоре возвратися и з братьею*

своею. *И тогда же князь велики **взем** святые дары и маслом **святился*** [20]; *И тогда же **митрополит** **взем** братию великого князя Юрия и князя Андрея Ивановичев в переднюю избу и **приведе** их к крестному целованью...* [24].

3.3. Причастия могли употребляться как связка глагольного составного сказуемого: *И **прииде** к нему отец его духовной Алексий протопоп, **хотя** ему дары **дати*** [23]. В нашем материале имеется 6 таких примеров.

3.4. Предикативная функция именных форм действительных причастий отчётливо проявляется в составе оборота дательный самостоятельный: *Благоверному же нашему государю великому **князю Василью** **зело оскорбвишуся** о бывшем <...> о беде **въсплакавшу** и на дерзутаго и на презрителя **клять** иных **оружбы помянувшя**, на сведетеля **бога поставив** и своих **людей крови отмищение ему** на **бога возложившю** Скулфянина* [14]. Данное предложение перенасыщено причастиями: здесь можно выделить 3 оборота дательный самостоятельный (*князю Василью оскорбвишуся*, *князю Василью въсплакавшу*, *ему возложившю*), оборот двойной винительный (*дружбы помянувшя*) и причастие *поставив* в функции основного сказуемого. Такие громоздкие конструкции свидетельствуют, с одной стороны, об ориентации автора на книжную тради-

цию, а с другой, – о недостаточном уровне владения этой традицией.

3.5. Предикативное значение причастий сохраняется и в обороте двойной винительный, хотя и менее отчётливо, чем в обороте дательный самостоятельный. Ср.: *Великая же **княгини виде митрополита** и **бояр** к себе **грядущи** и **бысть** яко **мертва** и **лежа** часа з два* [24]; *И **стояши** (**стояше?**) **близ** его **Шигона** и, как **положили** **евангелие** на **грудех**, и **виде** **Шигона** **дух** его **отшедша** аки **дымец** мал* [23].

Таким образом, на основе проведённого исследования именных форм действительных причастий, представленных в Постниковском летописце, можно сделать вывод о том, что эти причастия ещё входят в предикативную структуру анализируемого текста как активные компоненты данной структуры. Это свидетельствует о сохранении ориентации книжников XVI в. на церковнославянскую традицию, которая, однако, уже подвергалась постепенному разрушению, что проявляется в нарушении согласования причастий с субъектом действия (такие случаи составляют 22%), в появлении флексии **-и** у словоформ мужского рода с книжным суффиксом **-ущ/-ащ-**, в употреблении причастий на **-учи/-ючи**, которые можно квалифицировать как деепричастия, и т.д. Эти выводы мы планируем проверить на материале других летописей XVI – XVII вв.

Примечание

В скобках указывается страница используемого нами издания текста Постниковского летописца.

Литература

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
2. Грамматика русского языка: в 2 т. Синтаксис / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. – М., 1954. – Т. 2, ч. 1, 703 с.
3. Джангобекова Т. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. – Ужгород. – 2008. – Вип. 18. – С. 69-74.
4. Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания: Сборник статей / Под ред. К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 49–98.
5. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
6. Киянова О.Н. Язык памятников позднего русского летописания. Особенности грамматической нормы. Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2006. – 338 с.
7. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. Учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
8. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р.И. Аванесова и В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – С. 366-411.
9. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. 34, с. 8-30.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1958. – Тт. I – II, – 536 с.
11. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения / проф. А. Г. Руднев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 197 с.
12. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Б. А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 559 с.
13. Шманько А. Система прошедших времен глагола в Постниковском летописце: структура и значение // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 17: Мовознавство. – Ужгород: Говерла, 2012. – С. 85-89.

Андріана Шманько

**ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ
ТЕКСТА ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА**

Аннотация. В статье “Именные формы действительных причастий в предикативной структуре текста Постниковского летописца” рассматриваются особенности структуры и функционирования кратких форм действительных причастий с точки зрения их соотношения с нормами церковнославянской книжной традиции.

Ключевые слова: краткая форма действительных причастий, аппозитивные причастия, деепричастие, старорусский язык, церковнославянская книжная норма.

Andriana Shmanko

**THE NOMINAL FORMS OF THE ACTIVE PARTICIPLES IN THE PREDICATE STRUCTURE OF
THE POSTNIROVSKYY CHRONICLER**

Summary. The article “The nominal forms of the active participles in the predicate structure of the text of the Postnykovskyy chronicler” deals with the peculiarities of the structure and functioning of the short forms of active participles in terms of their correlation to the norms of Church Slavonic literary tradition.

Key words: short form of active and passive participles, appositional participles, gerund, the Old Russian language, Church Slavonic literary norm.

*Стаття надійшла до редакції
2 квітня 2013 року*

Шманько Андріана Іванівна – аспірант кафедри російської мови УжНУ